

НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

И.М. Афанасьева

ИНТЕГРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КИТАЕ И АДМИНИСТРАТИВНОМ РАЙОНЕ СЯНГАН

***Аннотация:** Статья описывает формирование интегрированной модели политического развития в современном Китае. Речь идет о взаимовлиянии континентального Китая и его особого административного региона Сянган. Статья охватывает не только процессы воздействия континентального Китая на социально-политические процессы в современном Сянгане, но и влияние опыта реформ в Сянгане на континентальный Китай. Существование альтернативной системы в Сянгане заставляет многих граждан в КНР задуматься об альтернативах развития, могущих стать актуальными в случае политической дестабилизации и замедления темпов роста в условиях регулируемой экономики, которых руководство КНР всеми силами стремится избежать.*

***Ключевые слова:** Политология, Сянган, Китай, интеграция, модель, оппозиция, партия, демократия, культура, протест*

Поспешная демократизация Гонконга в переходный период вызвала у руководства КНР серьезные опасения, которые усилились после первых выборов, показавших слабость пропекинского лагеря. Поэтому после 1997 года Пекин свернул многие демократические начинания. Эти опасения до сих пор определяют взаимоотношения КНР с особым административным районом Сянган и осложняют формирование интегрированной модели политического развития.

Власти КНР стремятся влиять на политические процессы в Сянгане, действуя через администрацию особого района. Под влиянием центрального правительства находятся как исполнительная, так и законодательная ветви власти. Судебной власти удаётся сохранять независимость. Агентом влияния при этом является Бюро по связям Центрального правительства в Гонконге.

Некоторые аналитики отмечают, что инструментом влияния на законодательный корпус являются депутаты, избранные в «функциональных группах». Как правило, они представляют интересы бизнеса. А поскольку бизнес инвестирует значительные сред-

ства в экономику материкового Китая, то эти парламентарии заинтересованы в принятии одобряемых Пекином решений¹.

Ряд исследователей полагает, что тот факт, что согласно Основному закону глава исполнительной власти не должен поддерживать преимущественные связи с какой-либо партией или оставаться ее членом, дает Пекину дополнительный рычаг влияния. Поскольку глава региона не несет ответственности перед партией и его деятельность не ограничена партийной программой, центральное руководство может направлять политику регионального руководства в нужное русло. Этот фактор еще более ослабляет влияние законодательного совета. Подобное устройство, с точки зрения критиков из демократического лагеря, делает положение главы исполнительной власти неустойчивым, поскольку он открыт для критики со всех сторон.

Тем не менее, стремясь регулировать политические процессы в Сянгане, Пекин предпочитает избегать от-

¹ 2010 Report to Congress of the U.S. – China Economic and Security review Commission. – P. 161 (http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf)

крытого вмешательства. Взвешенность позиции КНР по поводу вмешательства в дела Гонконга проявляется в вопросах взаимодействия с высшей судебной властью автономии – Высшим апелляционным судом. Допуская политическое и информационное влияние, руководство КНР стремится соблюдать Основной закон автономии в том, что касается независимого суда.

Представители руководства КНР постоянно заявляют, что стремятся к сохранению политического и экономического устройства Гонконга. Но не следует забывать, что одной из составляющих успешного развития этого региона всегда была высокая адаптивная способность.

В наибольшей степени вмешательство центральных властей КНР в политическое развитие Сянган затрагивает проблему либерализации избирательного законодательства. В этом вопросе центральное руководство действует, традиционно опираясь на про-пекинский политический лагерь Сянган. Но в переговоры по последней избирательной реформе были вовлечены и оппозиционные силы, что привело к расколу в про-демократическом лагере, выгодному для Пекина.

В 2010 г. переговоры по вопросу о внесении изменений в избирательное законодательство происходили между представителями Пекина и Демократической партии Сянган в режиме закрытых дверей. Обсуждение проекта реформы выявило нежелание Пекина проводить значительные демократические преобразования в избирательном законодательстве Сянган, что вызвало конфликт с про-демократическим лагерем особого административного района. Демократические группы требуют скорейшей реализации заложенной в основном законе автономии цели – введения всеобщих прямых выборов законодательной власти и главы исполнительной власти. Специальный комитет ВСНП, как отмечалось ранее, в ответ на эти требования еще в 2007 г. постановил, что прямые выборы главы исполнительной власти могут состояться не ранее 2017, а прямые выборы законодателей – не ранее 2020 г. На ближайшее время была намечена лишь минимальная либерализация избирательного законодательства. Критики закона из про-демократического лагеря сосредоточили свое внимание на том, что центральное руководство КНР откладывает введение прямых всеобщих выборов и реализацию положений Основного закона, не предлагая никакой «дорожной карты» по достижению заявленных в нем целей².

² 2010 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security review Commission. – P. 162 (http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf)

Согласно достигнутому в июле 2010 г. компромиссу, Избирательный комитет, голосующий за кандидатов на пост главы исполнительной власти, был расширен на 400 членов (в 800 до 1200), а количество избираемых на прямых выборах членов Законодательного совета увеличилось на 10 человек (до 40). Кроме того, Пекин согласился на такое предложение демократической партии, как введение пяти дополнительных мандатов, которые распределяются по результатам голосования четырехсот членов районных советов. Такая реформа дала возможность косвенного участия в выборах почти трем миллионам избирателей, которые не могли быть членами ни одной из «функциональных групп». Интересно, что идея такой реформы, впервые предложенная последним британским губернатором Крисом Паттенем, ранее была отвергнута правительством КНР.

Эти поправки, как известно, были одобрены и вступили в силу, определив процедуру выборов 2012 г. Несмотря на то, что администрация Гонконга приветствовала достижение компромисса как победу разума и значительный шаг на пути к демократии, некоторые члены Демократической партии не смогли принять его и покинули партию, включая семерых представителей партии в районных советах – консультативных органах, имеющих важное значение, поскольку они принимают участие в процедуре выборов главы Административного совета. Сторонники радикальных демократических преобразований в Сянгане и иностранные наблюдатели отмечали, что изменения, произведенные в избирательном законодательстве в 2010 г. незначительны, они не приблизили политическую систему к прямым всеобщим выборам и являются попыткой Пекина снизить накал протестных настроений³.

Сянган обладает собственной партийной системой, но, тем не менее, с 1997 г. здесь возрастает влияние компартии. Кристин Ло, бывший парламентарий и одна из основателей Гражданской партии, в своей работе, посвященной деятельности КПК в Гонконге⁴, показывает, что партия не только тщательно оберегает свою политическую монополию в континентальном Китае, но и стремится к увеличению своего влияния

³ 2010 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security review Commission. – P. 162 (http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf).

⁴ Loh Christine. Underground Front: The Chinese Communist Party in Hong Kong Hong Kong University Press, 2010 – 360 p.

в особом административном районе. Одной из целей при этом является перенос в новый административный район отработанной в континентальном Китае тактики «единого фронта», позволяющей инкорпорировать разнообразные социальные интересы, объединить их на основе лояльности центральному руководству и его политике. Анализируя выступления и статьи руководителей Единого фронта, Бюро по связям с Гонконгом и других государственных и партийных деятелей, автор приходит к выводу о том, что в руководстве КПК обсуждается и возможность открытого выхода партии на политическую арену Гонконга. КПК может пойти на этот шаг, поскольку переплетение социально-экономических и политических интересов в Сянгане слишком сложно, и косвенные методы управления не всегда результативны⁵.

Влияние центрального правительства КНР затрагивает и такие сферы политической жизни Сянгана как свобода слова и свобода собраний. По оценкам гонконгской ассоциации журналистов, власти Гонконга стремятся ограничить свободу прессы, сдерживая критику, направленную против властей КНР⁶. К темам, освещение которых регулируется, в первую очередь относятся протестные акции, визиты руководителей КНР. Ассоциация журналистов в своем докладе отмечает случаи, когда полиция препятствовала работе журналистов в подобных ситуациях⁷. Отмечаются попытки регулирования редакционной политики гонконгских СМИ.

Сянган нельзя назвать консолидированной демократией: несмотря на достаточно широкие гражданские права, его жители ограничены в правах политических. При этом возможности мобилизации граждан для политического протеста не так уж велики, поскольку такие проблемы как коррупция и нарушения прав человека не носят системного характера. В общественном мнении гонконгцев сохраняется баланс в пользу лояльного отношения к Пекину и преобладает прагматический подход.

Следует обратиться и к вопросу о влиянии континентального Китая на экономическую полити-

ку Гонконга, поскольку руководство КНР стремится интегрировать экономическими связями единое культурное пространство, определяемое как «большой Китай». Параллельно КНР стремится установить здесь свое монопольное политическое влияние, на протяжении нескольких десятилетий постепенно продвигаясь к цели политической интеграции Гонконга, Макао и Тайваня с материком. Динамика экономической интеграции показывает, насколько прочно связаны континентальный Китай и Сянган, и это служит серьезным основанием для формирования интегративной модели развития.

С началом периода «открытости и реформ» «большой Китай» стал источником ресурсов для проведения преобразований: инвестиций, технологий и специалистов. Это, безусловно, способствовало снижению издержек экономических преобразований и ускорило процесс реформирования. Роль Гонконга при этом определил его статус международного финансового и торгового центра.

Планы развития экономической интеграции сочетаются с растущим вниманием руководства КНР к процессам, происходящим в экономике особого административного района. Представители руководства КНР неоднократно публично высказывались по поводу экономических проблем, вызывающих недовольство населения Гонконга, таких как стремительный рост цен на жилье, рост безработицы, разрыв в доходах, непопулярные реформы налоговой системы и др.⁸ Рост цен на недвижимость стал серьезной проблемой, он еще более обострил социальные противоречия, существующие в Гонконге. Официальные лица КНР, высказывая озабоченность экономическими проблемами Гонконга, увеличивают свое влияние. Центральное руководство, высказываясь о необходимости снижения цен, использует эту тему для укрепления доверия широких масс гонконгцев, но при этом не следует забывать, что рост цен на недвижимость стал одним из следствий экономической интеграции и увеличения потока инвестиций из континентального Китая.

Безусловно, влияние Сянгана на континентальный Китай в первую очередь обусловлено его экономическими достижениями. Экономические успехи и высокий уровень жизни демонстрируют преимущества либеральной капиталистической экономики Сянгана. За

⁵ *Loh Christine*. Op.cit– P.234-235

⁶ Hong Kong Journalists Association, 2011 Annual Report: Two Systems Compromised, Free Expression Under Threat in Hong Kong (Hong Kong, SAR [Special Administrative Region]: July 2011).

⁷ *Robert Keatley*. Mid-Year Malaise: No Progress on Leading Issues // Hong Kong Journal. – July 2011.

⁸ *Anthony B. L. Cheung*. Hong Kong: A City of Unhappiness // Hong Kong Journal. – July 2011. (<http://www.hkjournal.org/archive/2011fall/1.htm>).

2011 год рост экономики особого административно-го района составил 5%, за 2010 – 7%. При этом уровень безработицы составляет лишь 3,3%. Несмотря на достаточно низкие налоги, профицит бюджета в прошлом году составил 6,5 миллионов долларов США, а резерв составляет 155 миллионов долларов⁹. Роль Гонконга как глобального финансового центра продолжает возрастать.

Более высокий уровень жизни делает регион привлекательным в глазах граждан КНР, даже если они не являются сторонниками рыночной экономики и демократических ценностей. Сянган привлекает граждан КНР возможностью получить образование не искаженное воздействием идеологии, более развитой системой здравоохранения и, кроме того, отсутствием жесткого регулирования в демографической сфере¹⁰. Жители материкового Китая не имеют права проживания на территории района, и могут посещать его, лишь получив специальное разрешение, иначе поток иммигрантов был бы слишком большим.

Подобная притягательность Сянгана говорит о том, что он является своего рода референтным обществом для континентального Китая, образцом достижений модернизации. Для понимания того, как гонконгская модель влияет на политические процессы в КНР важно то, что не только простые граждане, но и руководители Китая, создатели модели «одна страна – две системы», видят в Гонконге образец того, чего может достичь КНР, идя по пути модернизации. Специалист по китайской экономике Барри Нотон утверждал, что именно быстро растущие экономики Тайваня, Гонконга и Сингапура стали примерами для архитекторов китайских реформ¹¹, особенно в области создания и развития особых экономических зон как точек роста китайской экономики.

Что же касается собственно политического влияния Сянгана на континентальный Китай, то его можно рассматривать в контексте теорий демократизации. Если согласиться с тем, что существуют «волны демократизации», охватывающие целые макрорегионы, то

следует признать, что опыт взаимодействия демократий с недемократиями оказывает на последние определенное влияние. Тем не менее, взаимодействие Сянгана и континентального Китая с этой точки зрения является не вполне типичным случаем, в первую очередь потому, что Гонконг является частью КНР, сохраняющей «значительную», но ограниченную автономию. Во-вторых, Сянган несопоставим с КНР по размерам и по масштабам влияния на международной арене. В-третьих, страны, оказывающие влияние на процессы демократизации в соседних регионах, как правило, являются консолидированными демократиями, тогда как Гонконг к моменту передачи суверенитета от Великобритании, демократией не был, а предложенный последним британским губернатором проект демократических преобразований так и не был реализован до конца.

Особый административный район Сянган сохраняет уникальное положение свободного анклава в рамках недемократичной политической системы. Вопрос о том, может ли маленький и не обладающий суверенитетом, но относительно свободный Гонконг оказывать влияние на большой авторитарный Китай остается открытым. Это вызывает определенные сомнения, особенно в связи с тем, что КНР стремится противопоставить себя Западу и его политическим ценностям, подчеркивая своеобразие своего собственного пути, который опирается уже не столько на социалистические, сколько на национальные ценности.

Сдерживая процессы демократизации в Сянгане, руководство КНР все же не может прибегнуть к сворачиванию гражданских свобод и к изменению модели управления. Руководители КНР не могут не учитывать того, что верховенство закона и базовые гражданские права, на которых основывается доверие граждан к политической системе, являются условиями, которые, безусловно, способствовали успехам экономики Гонконга. И, хотя в официальном политическом дискурсе КНР о возможных преобразованиях политической системы говорится очень осторожно и, как правило, эта тема связывается с более или менее отдаленной перспективой, такая цель как укрепление доверия между обществом и властью является одной из основных. Задачи укрепления законности, создания правового государства, повышения безопасности граждан ставятся и постепенно решаются руководством КНР. Гонконгская модель постепенной либерализации и контролируемого развития демократических институтов «сверху» при сохранении авторитарного режима мо-

⁹ *Keatley Robert*. One Chief, Two Systems // *The National Interest*. – March 14, 2012 (<http://nationalinterest.org/commentary/the-truth-about-hong-kong-6637>)

¹⁰ *Beales Richard*. Is this the real Hong Kong handover? // *The real Hong Kong handover? One country, two systems, 15 years*. – P.3 (<http://graphics.thomsonreuters.com/AS/pdf/BVHK2012.pdf>)

¹¹ *Naughton Barry*. *Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978-1993*. – Cambridge University Press, 1995. – P.63.

жет служить моделью для проведения подобных преобразований. И в этом отношении можно говорить о влиянии гонконгского опыта.

С этой точки зрения интересно сопоставить процесс либерализации в Гонконге с моделью становления демократического правления в Китае, предложенной директором Центра сравнительной политики и экономики профессором Хэ Цзэнкэ¹². Он считает, что для ранней стадии характерно возникновение новых социальных групп, которые стремятся к защите своих интересов на политическом уровне. Из-за неразвитости институтов политического участия на этом этапе накапливаются противоречия между властью и обществом. На средней стадии происходит институционализация политического участия. Оно развивается, начиная снизу, в первую очередь затрагивая местное самоуправление. Также расширяется круг гражданских свобод и развиваются различные консультационные органы и процедуры, т.е. совещательная демократия. Последняя, прежде всего, удовлетворяет интересы городского населения, образованной части общества и начинается с крупных и средних городов, постепенно осуществляя экспансию на нижние и верхние уровни политической системы. При этом введение правовых принципов управления, расширение свободы СМИ и разделение властей вводятся постепенно и поэтапно под контролем высшего руководства. Укрепление выборной демократии и закрепление гражданских и политических свобод относится к поздней стадии. При этом, по мнению Хэ Цзэнкэ, современная КНР находится в фазе перехода от ранней стадии к средней. Гонконг же, как было показано в предыдущей главе, прошел среднюю стадию развития в соответствии с данной периодизацией еще при британском правлении. Политическая интеграция в рамках модели «одна страна – две системы», допуская асинхронность развития демократического правления, не исключает и заимствования гонконгского опыта континентальным Китаем.

Политическое влияние Сянган на континентальный Китай проявляется и в реакциях на попытки центрального руководства усилить контроль. Речь идет не только о гражданском протесте и о непосредственных реакциях про-демократической оппозиции на те или иные попытки вмешательства Пекина, но и о системных реакциях. Например, правительство Дун Цзянь

хуа, избранного на пост главы исполнительной власти под контролем Пекина, не только пользовалось низким доверием гонконгцев, но и было относительно неэффективным. Критику вызвали попытки реформы образования, жилищная политика, политика в области здравоохранения.

Сянган, наряду с Тайванем, демонстрирует, что в рамках китайской культуры возможна как реализация достаточно широкого набора гражданских прав, так и существование правового государства. Гражданские свободы, существующие в особом административном районе – свобода собраний, слова, передвижения – являются примерами того, что эти институты, отсутствующие в континентальном Китае, служат на благо обществу. Многие критики гонконгской политической системы отмечают, что в силу того, что исполнительная власть в ней превалирует над законодательной, свободы гонконгцев не дают им возможности влиять на правительство. Тем не менее, гонконгская система управления по сравнению с государственным аппаратом в континентальном Китае является открытой, и показателем этого является состояние борьбы с коррупцией.

Независимое и эффективно действующее антикоррупционное агентство является примером института, более эффективного по сравнению с китайской системой противодействия коррупции. По данным Transparency International, уровень коррупции в Гонконге ниже, чем в Великобритании.

Политическая система Сянгана, несмотря на отсутствие прямых всеобщих выборов главы исполнительной власти и трети высшей законодательной власти, отличается от политической системы КНР своей открытостью для гласности. И, хотя здесь нельзя говорить о свойственной демократиям неопределенности электоральных результатов (по крайней мере, на выборах главы исполнительной власти), такая гласность может многое изменить. Наглядным примером этого стало поражение Генри Тана на выборах 25 марта 2012 г., когда нарушение законов о недвижимости фаворитом предвыборной гонки стало достоянием гласности и привело к потере голосов гонконгских выборщиков и поддержки Пекина. Сообщения гонконгских СМИ об аналогичных нарушениях, допущенных уже избранным на пост главы исполнительной власти Линь Чэньином, также говорят о принципиальном различии взаимоотношений общества и власти в Сянгане и континентальном Китае. Подобное развитие событий сложно представить в континентальном Китае, где о

¹² Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия 2050: стратегия развития. – М., 2006. – С.42-44

злоупотреблениях представителей власти становится известно лишь в случае их опалы, что, например, произошло с Бо Силаем.

Примером различий между двумя политическими системами является и вопрос о правах человека. В Сянгане действует Билль о правах человека, принятый в 1991 году. Он полностью соответствует Международной конвенции о гражданских, социальных и культурных правах и гарантирует свободу вероисповедания, печати, слова, свободу объединений и собраний, шествий и демонстраций, право и свободу создавать и вступать в профсоюзы, право бастовать. Таким образом, билль четко определяет те широко практикуемые руководством КНР меры, которые неприемлемы в Сянгане как подрывающие права человека. Несмотря на то, что официальный Пекин заявил, что билль о правах не является высшим юридическим документом, определяющим права граждан, вопрос о его отмене, тем не менее, не ставится.

Интересным примером того, насколько различны ситуации с реализацией прав и свобод в Сянгане и континентальном Китае является вопрос о свободе вероисповедания. Политика, проводимая по отношению к религиозным организациям, в континентальном Китае и особом административном районе сильно различается. В КНР религиозные организации лицензируются и получают разрешение на ведение своей деятельности, если они представляют признанную на мировом уровне конфессию или в том случае, когда органы власти считают, что организация способствует повышению патриотизма и социальной ответственности. В отношении разрешенных религиозных организаций местные власти осуществляют строгий контроль, постоянно проверяя их деятельность: цензурят материалы, проверяют финансовую отчетность, ведут учет числа сторонников¹³. Несмотря на некоторую либерализацию государственной политики в отношении религиозных организаций, официальная позиция КНР остается антирелигиозной.

Важным аспектом влияния Сянгана на континентальный Китай является то, что регион выполняет роль информационного центра, связывающего различные части «большого Китая» в широком понимании этого термина (включая Тайвань и китайские

диаспоры за рубежом). Переход Гонконга под суверенитет КНР только расширил информационное влияние, поскольку были созданы новые легальные каналы коммуникации.

Некоторые независимые гонконгские СМИ распространяются в континентальном Китае, хотя и в ограниченных масштабах. Это позволяет гражданам КНР получать альтернативную информацию о некоторых событиях, например, таких как крушение скоростного поезда в Вэньчжоу летом 2011 г., когда властям пришлось отказаться от первоначальной версии аварии и провести более тщательное расследование после того, как информация о ней стала распространяться в прессе и социальных сетях¹⁴. В Сянгане также издаются некоторые книги, запрещенные к продаже на материке. Кроме того, имеет значение и то, что жители континентального Китая получают информацию об обществе, в котором созданы политические условия для свободы слова.

Власти КНР пытались бороться с информацией о капиталистическом мире, исходящей из Гонконга, особенно на начальных этапах реформы¹⁵. После воссоединения с КНР в Сянгане получили развитие пропекинские СМИ, призванные изменить эту ситуацию. Парадоксально, но их деятельность скорее способствует формированию положительного образа капиталистического Гонконга, и если гонконгцы воспринимают пропекинские СМИ как пропагандистские, то, с точки зрения жителей материкового Китая, эти СМИ более свободны и профессиональны по сравнению с традиционными. Что же касается независимых СМИ Сянгана, то наибольшим влиянием обладает телевидение.

Трудности реализации стратегии «одна страна – две системы» связаны и с тем, что интеграция предполагает информационную открытость, а она угрожает незыблемости положения КПК. Поэтому руководство КНР предпочитает действовать осторожно. Сдерживая развитие оппозиционных настроений в континентальном Китае достаточно жесткими средствами, в Сянгане оно действует дипломатично, применяя непрямые методы воздействия, играя на противоречиях меж-

¹³ *Bellows Aaron*. The Challenges of Religious Freedom in Post-Transition Hong Kong // *Perspectives On Business & Economics*. – Volume 20, 2002 (<http://www.lehigh.edu/~incntr/publications/perspectives/v20/Bellows.pdf>)

¹⁴ *Шерил Чен* Микроблоги в Китае всё больше раздражают режим // *The Epoch Times*. – 11.09.2011 (<http://www.epochtimes.ru/content/view/52145/4/>).

¹⁵ *Baum Richard*. *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping*. – Princeton: Princeton University Press, 1994, pp.156-161

ду политическими силами автономии. В отношениях с гонконгским бизнесом для обеспечения его лояльности руководство КНР использует заинтересованность в развитии экономических связей, а в отношениях с широкими слоями населения особого административного района использует популистские меры.

Информационно-политическое влияние особого административного района на континентальный Китай не стоит переоценивать, но оно существует. И это вызывает беспокойство руководства КНР, пытающегося ограничить воздействие. В первую очередь, пример Гонконга влияет на мнения и настроения таких слоев как интеллигенция и молодежь, являющихся потенциальной социальной базой оппозиции КПК. Поэтому в управлении Сянганом перед руководством КНР стоит достаточно сложная задача. С одной стороны, КНР заинтересована в экономической интеграции и в использовании огромного потенциала нового административного района для развития экономики и, прежде всего, для расширения экономического влияния «большого Китая». Поэтому КНР не может пойти на сворачивание свобод гонконгцев: ведь именно они способствуют столь успешному развитию территории и обеспечивают эффективность рыночной экономики. С другой стороны, сформировавшиеся под воздействием Великобритании политические нормы Гонконга противостоят традициям политического управления КПК. Прямое заимствование гонконгского опыта, который кажется достаточно удачным, невозможно, поскольку подорвало бы властную монополию партии.

Политика руководства КНР нацелена не только на укрепление экономической интеграции пространства «большого Китая», но и на формирование устойчивой общей идентичности. Национализм используется как значимый ресурс в обеспечении политической лояльности и политической мобилизации граждан. Поэтому успехи реализации стратегии «одна страна – две системы» имеют огромное идеологическое значение. А риторика, связанная с «окончательным воссоединением страны» преобладает как в официальных заявлениях руководителей КНР, так и в выступлениях про-китайски настроенных руководителей особого административного района¹⁶.

Влияние опыта реформ в Сянгане на континентальный Китай, прежде всего, обусловлено экономическими успехами региона, которые делают его привлекательной моделью не только для простых граждан, но и для руководителей КНР. Поэтому можно говорить о том, что Сянган представляет собой своего рода «референтное общество», образец достижений модернизации. Внимание привлекают не только высокий уровень жизни, но и эффективная система противодействия коррупции, независимые правоохранительные и судебные органы, менее бюрократизированная система управления, эффективно работающая при отсутствии партийного контроля, элементы гласности. Но, тем не менее, о прямом заимствовании гонконгского опыта и о следовании гонконгской модели развития речь не идет, поскольку приоритетом руководства КНР в долгосрочной перспективе является сохранение властной монополии КПК. Это обстоятельство затрудняет формирование интегративной модели развития.

Для оценки влияния Сянгана на континентальный Китай большое значение имеет информационный аспект. Жители КНР получают информацию о развитии общества, в котором гражданские свободы, в том числе возможность открытого протеста, а также гласность и конкурентная политика способствуют высоким экономическим достижениям. Опыт Сянгана говорит о том, что наличие гражданского общества и политических свобод не противоречит национальным ценностям, опору на которые руководство КНР сделало центром своей пропаганды.

Таким образом, едва ли можно говорить о перспективах конвергенции политических систем Сянгана и континентального Китая в ближайшее время. Но, несмотря на это, их взаимное влияние очевидно. КНР сдерживая процессы демократизации в особом административном районе, стремится перенести акцент в формуле «одна страна две системы» на ее первую часть. Существование альтернативной системы в Сянгане заставляет многих граждан в КНР задуматься об альтернативах развития, могущих стать актуальными в случае политической дестабилизации и замедления темпов роста в условиях регулируемой экономики, которых руководство КНР всеми силами стремится избежать.

¹⁶ *Towne Jake*. Problems with the “One Country, Two Systems” Model in Hong Kong // *Perspectives On Business & Economics*

Volume 20, 2002 (<http://www.lehigh.edu/~incntr/publications/perspectives/v20/Towne.pdf>)

Библиография:

1. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. – Москва: ИНЭС. – 2006.
2. Чен Шерил. Микроблоги в Китае всё больше раздражают режим// The Epoch Times. – 11.09.2011 (<http://www.epochtimes.ru/content/view/52145/4/>).
3. 2010 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security review Commission. (http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf)
4. Anthony B. L. Cheung. Hong Kong: A City of Unhappiness // Hong Kong Journal. – July 2011. (<http://www.hkjournal.org/archive/2011fall/1.htm>).
5. Beales Richard. Is this the real Hong Kong Handover? // The real Hong Kong Handover? One country, two systems, 15 years. – P.3 (<http://graphics.thomsonreuters.com/AS/pdf/BVHK2012.pdf>).
6. Bellows Aaron. The Challenges of Religious Freedom in Post-Transition Hong Kong // Perspectives On Business & Economics. – Volume 20, 2002 (<http://www.lehigh.edu/~incntr/publications/perspectives/v20/Bellows.pdf>)
7. Baum Richard. Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 508 p.
8. Hong Kong Journalists Association, 2011 Annual Report: Two Systems Compromised, Free Expression Under Threat in Hong Kong (Hong Kong, SAR [Special Administrative Region]: July 2011). (<http://www.hkja.org.hk/site/portal/Site.aspx?id=A109938&lang=en-US>).
9. Loh Christine. Underground Front: The Chinese Communist Party in Hong Kong Hong Kong University Press, 2010 – 360 p.
10. Keatley Robert. Mid-Year Malaise: No Progress on Leading Issues // Hong Kong Journal. – July 2011. (<http://www.hkjournal.org/archive/commentaries/072011.htm>)
11. Towne Jake. Problems with the “One Country, Two Systems” Model in Hong Kong // Perspectives On Business & Economics Volume 20, 2002 (<http://www.lehigh.edu/~incntr/publications/perspectives/v20/Towne.pdf>).

References (transliteration):

1. Kuzyk B.N., Titarenko M.L. Kitay-Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya. – Moskva: INES. – 2006.
2. Chen Sheril. Mikroblogi v Kitae vse bol'she razdrazhayut rezhim// The Epoch Times. – 11.09.2011 (<http://www.epochtimes.ru/content/view/52145/4/>).
3. 2010 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security review Commission. (http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf)
4. Anthony B. L. Cheung. Hong Kong: A City of Unhappiness // Hong Kong Journal. – July 2011. (<http://www.hkjournal.org/archive/2011fall/1.htm>).
5. Beales Richard. Is this the real Hong Kong Handover? // The real Hong Kong Handover? One country, two systems, 15 years. – P.3 (<http://graphics.thomsonreuters.com/AS/pdf/BVHK2012.pdf>).
6. Bellows Aaron. The Challenges of Religious Freedom in Post-Transition Hong Kong // Perspectives On Business & Economics. – Volume 20, 2002 (<http://www.lehigh.edu/~incntr/publications/perspectives/v20/Bellows.pdf>)
7. Baum Richard. Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 508 p.
8. Hong Kong Journalists Association, 2011 Annual Report: Two Systems Compromised, Free Expression Under Threat in Hong Kong (Hong Kong, SAR [Special Administrative Region]: July 2011). (<http://www.hkja.org.hk/site/portal/Site.aspx?id=A109938&lang=en-US>).
9. Loh Christine. Underground Front: The Chinese Communist Party in Hong Kong Hong Kong University Press, 2010 – 360 p.
10. Keatley Robert. Mid-Year Malaise: No Progress on Leading Issues // Hong Kong Journal. – July 2011. (<http://www.hkjournal.org/archive/commentaries/072011.htm>)
11. Towne Jake. Problems with the “One Country, Two Systems” Model in Hong Kong // Perspectives On Business & Economics Volume 20, 2002 (<http://www.lehigh.edu/~incntr/publications/perspectives/v20/Towne.pdf>).